

Мой невероятный мужчина

Автор:

Алёна Медведева

Мой невероятный мужчина

Алёна Викторовна Медведева

Романтика космоимперии

Таймин не знает своего прошлого, а запланированное будущее внезапно меняется. Миг назад она – загадка, предназначенная коварным покровителем в сопровождение элите империан, а уже сейчас – единственная надежда последнего мужчины далекого мира.

Миг назад она гуляет среди древних развалин на одной из благополучных планет империи, ожидая встречи с назначенным ей представителем правящей семьи, прибывшей на карнавал. А уже сейчас стоит перед тем, кто родился и вырос на планете, где никогда прежде никто не любил, перед мужчиной, который не мог и надеяться на встречу с... женщиной.

Что это? Трагичный выверт судьбы, позволивший ей нечаянно активировать процесс перемещения? Или предначертанная неизбежность, которая была запланирована чьим-то безрассудным планом?..

Алена Медведева

Мой невероятный мужчина

– Много поцелуев!

– Насколько много?

– Столько я тебе ещё не дарил.

– Да неужели?

– Проверим?

– Как?.. – Дивария улыбается, состроив ироничную гримаску. Ей понятно, что весь этот спор устроен с единственной целью – отвлечь от трудного дня, наполненного делами, которых неизменно в избытке у каждого, кто начинает жизнь на новом месте.

– Посчитаем!

Не оставив времени на возражения, Делим притягивает жену к себе. Вглядываясь в её глаза, те самые, которые прежде мог представлять лишь в мечтах, медленно усаживает Диварию на свои колени и нежно целует.

– Раз... – провоцирует поддержать его игру.

– Два, – вмиг севшим голосом выдыхает Дивария, послушно прижимаясь к груди мужа и обвив его шею руками.

– Три, – на мгновение оторвавшись от любимых губ, продолжает Делим и тут же вновь к ним прикикает.

Сторонний наблюдатель решил бы, что супруги вот-вот потеряют голову от страсти. Воздух вокруг них искрит от едва сдерживаемого желания, объятия становятся всё теснее, поцелуи жарче, стоны отчетливее. Кажется, они и думать забыли о важной цели и о лишённом романтики окружении – рабочий кабинет, заваленный бумагами и инфоносителями, трудно отнести к этой категории. Но тут...

– Ой! – Дивария отстраняется, в странном оцепенении блуждая взглядом по стопкам документов. Именно их сегодня пересматривали супруги, пытаюсь разобраться с происходящим на Леде.

- Милая?

- Нет, постой! - Она встряхивает головой, не позволяя рукам мужа вновь притянуть себя ближе. - Я важную вещь вспомнила. Хотела сразу тебе сказать, но забыла.

- Что-то настолько срочное? - теряется супруг, озадаченный столь несвоевременной переменной.

- Конечно, срочное! - Дивария вскакивает на ноги, не замечая, что запустила пальцы в уже и так изрядно пострадавшую от рук мужа прическу.

- Что-то в документах? - Осознав, что момент упущен, Делим тоскливо вздыхает, но тоже встаёт, понимая, что без причины его любимая не была бы так взбудоражена.

- Смотри... - Девушка торопливо раскладывает на мутной поверхности стеклянного стола несколько бумаг и столь же стремительно активирует технику, формирующую голоэкранный экран.

- Помнишь, сколько личинок мы вернули на Леду?

- Двести девяносто девять, - не раздумывая, уверенно отвечает мужчина.

- А украдено было триста! - триумфально заявляет его жена, выразительно указывая пальцем на число в документе.

- И где же ещё одна личинка? - Делим хмурится.

- Вот... - Дивария разворачивает к нему экран с текстом.

- Сто сорок третий день, - послушно читает вслух мужчина и переводит вопросительный взгляд на жену.

- Примерно за год до начала Карнавала, - поясняет она. - Это личный дневник нашего воспитателя, его с корабля доставили как вещественное доказательство.

– Ясно. – Делим возвращается к документу. – Завтрак. Шестичасовое учебное занятие. Воспитательная беседа. Шестнадцать личинок проявили непослушание и изолированы в качестве наказания, двести сорок пять допущены в игровую зону, отдых на воздухе для остальных. Во время прогулки одна пропала. Сбежать и спрятаться негде, но поиски ничего не дали. Карта...

Он хмурится, рассматривая появившуюся на экране схему и изображение – полуразрушенные арочные сооружения, выстроенные из белого камня и окружённые бескрайней зелёной равниной.

– Это древний портал. Из тех, что открываются тембром голоса, – узнаёт Делим и поднимает обеспокоенный взгляд на взволнованную жену. – Видимо, был в рабочем состоянии и куда-то её перебросил. Плохо.

– Очень плохо! Ты даже не представляешь, каково это – остаться одной! К тому же в начальной стадии трансформации! – Дивария зажмуривается, словно сама ощущает тот ужас и страх, что, должно быть, испытала её соплеменница.

– Времени прошло много. Личинка могла погибнуть... – с грустью смотрит на жену империанин, но, заметив, как на любимые глаза наворачиваются слёзы, тут же отбрасывает плохие мысли и сосредотачивается, начиная рассуждать: – Эти порталы срабатывают очень непредсказуемо, а если и открываются спонтанно, то лишь на ближайшие планеты. Я выясню, что это за звёздная система, и разошлю в соседние сообщения. Сделаем всё, и даже больше, чтобы её отыскать.

Делим преобразился: отстранённое выражение лица и пронзительный взгляд... Отпрыск императорской семьи, настоящий исгреанин – сейчас не могло быть сомнений, он докопается до истины, какой бы таинственной ни оказалась судьба пропавшей личинки.

Дивария дарит мужу полный нежности взгляд, радуясь той уверенности, которую сейчас излучает империанин. Она правильно поступила, когда пригласила его в свой мир. Её народ получил в его лице защитника, а она... настоящего мужа.

* * *

– А-а-а...

Если бы рядом был тот, кто мог распознать смысл визга личинки, он бы понял, как я сейчас напугана. И как мне...

жарко. Миг назад я запищала от восторга, заметив между камнями полуразрушенной древней арки крошечный удивительно милый цветок. Не думая о возможных последствиях, шагнула за ним через тонкую плёнку, неожиданно засиявшую на моём пути, и... Прохладные сумерки в одно мгновение превратились в раскалённый огонь. Жар, обдавший тело, ошеломил, а первый же судорожный глоток воздуха заставил сжаться от боли.

И вот теперь я, закашлявшись, сквозь слезящиеся глаза пытаюсь осмотреться и понять, как оказалась в бесконечной пустыне с огромным красным, источающим жар светилом над головой, ведь вокруг, насколько хватает взгляда, один раскалённый песок. Всё настолько горячее, что кажется – начинаешь испаряться. Очень реалистичное ощущение!..

Недавних слёз уже и след простыл. Я даже слышу шипение, с которым они высохли. В доли секунды!

– Не мечтай сбежать, тварь.

Голос вопящего звучит злобно, яростно и устрашающе, но... Но меня он радует. Хоть что-то живое.

– Уж поверь, я не позволю жратве смыться!

Местное светило слепит немилосердно, и мне никак не удаётся рассмотреть кричащего. Плюс в одном – упомянутой твари тоже не вижу. Жар неумолимо давит, вынуждая сгибаться ниже. Как скоро толстая подошва сандалий раскалится и начнёт жечь мне ступни? Тогда я неминуемо рухну в этот пышущий огнём песок, и он изжарит моё тело.

Мысли несутся стремительно. Возможно, размышления о безрадостных перспективах – это способ не сойти с ума. От страха...

Песок передо мной вдруг начинает выпячиваться, превращаясь в холмик... вершинку... гору... И вот уже совсем рядом, заслонив раскалённый докрасна шар, высится чудовище!

Как относиться к появлению «стеклянного» зверя?.. Махина, в три моих роста и со шкурой, даже на вид очень твердой, мутноватой преградой встаёт на пути обжигающих лучей. Единственные яркие пятна в его облике – это глаза. Они тоже сверкают огненным пламенем. И смотрят на меня! А дальше чудовище открывает пасть – устрашающую бездонную пещеру, усыпанную осколками стекла. И они тоже слепят, заставляя щуриться и пятиться. Зверюга, кем бы он ни был, явно вознамерился распробовать жалкую гибнущую от жары личинку, то есть меня.

Писк, не родившись, застревает в груди. Я жалко сжимаюсь, понимая, что это странное перемещение в палящий мир завершится гибелью.

– Ага! Попался! Теперь я точно не сдохну тут ещё неделю. Выследил всё же.

Сердце замирает. Кому бы ни принадлежал этот ликующий голос, ему нужен этот зверь. Но, прежде чем я успеваю насладиться надеждой, стеклянная живность содрогается, истошно затрубив, и начинает крутиться на месте. Множество голубоватых искорок летит от него во все стороны. Воздух искрит напряжением.

Электричество?! В пустыне?! Откуда?!

Бах...

Туша валится на раскалённый песок, взметнувшийся шипящим дождём. Инстинктивно спасая кожу от смертоносных ожогов, я успеваю прикрыться полой накидки. И этим привлекаю внимание охотника.

– А это что ещё такое? Съедобное? Неужели мне повезло вдвойне?

Воздух рядом снова трещит, пугая меня ещё больше. Победитель чудовища решил поджарить и меня?

- Не-е-ет! - взвизгиваю я, не желая повторить судьбу стеклянной зверюги.

- А-а-а! - тут же раздаётся ответный болезненный вопль охотника. И звучит он как агония мученика, которого пытаются ультразвуком.

Так-то! Мало кто способен выдержать визг личинки. Вон даже кожа на зверюге местами лопнула, выстрелив мелкими осколками блестящих капель. Впрочем, возможно причина в раскалённом песке? Стоило монстру погибнуть, как механизмы, защищавшие его при жизни, перестали работать?

- Это ещё что за живность? - вопит мой нечаянный спаситель.

Я наконец его вижу и понимаю причину неприметности.

Силуэт преследователя от макушки до пят скрывал плащ, явно из шкуры такой же добычи. Затемнённое капюшоном лицо - единственное, что доступно взгляду, ведь сейчас мужчина его приподнял, чтобы утереть кровь из носа и, судя по следу, из ушей. Однако совсем не это поражает меня больше всего. Другое. В его тёмных глазах совсем недружелюбно светятся голубоватые искры.

Ой! Нет, нет! Не надо меня жарить! На этот раз я удерживаюсь от визга, лишь протестующе взмахиваю руками. А затем и вовсе прижимаю ладони к груди в умоляющем жесте.

Понял его незнакомец или нет, но разрядом не ударил.

Ш-ш-ш...

С тихим шипением подошва моих сандалий испаряется, и я, ощутив жалящие укусы боли, прыгаю с ноги на ногу. Охотник же, вскинув лицо вверх, восклицает:

- Скоро тут будет очень жарко!

Больше не обращая на меня внимания, он цепляет тушу гарпуном, что болтался у него на спине, и... на вид непринуждённо тащит зверя туда, откуда тот появился.

Очень? А сейчас, значит, вполне умеренно?! Желания проверить, насколько жарче, у меня нет ни малейшего. Чувствуя, что и так нахожусь на последнем издыхании, я бегу следом. Может быть, стеклянный монстр скользкий? Или охотник зверски силен? Мои мысли опережают ноги, хотя те весьма шустро подпрыгивают, следуя за размытым силуэтом мужчины, чья одежда определённо отражает свет местного светила. А вот у меня такой защиты нет. Но я не сдаюсь. Прыжок. Скачок. Почти догнала! В следующий миг застываю в растерянности. Это мой мозг, изнурённый жаром, решил сдать в борьбе за здравый смысл? Или незнакомец, предварительно зашвырнув в воронку зверя, прыгнул туда же, а зыбучий песок сомкнулся над его головой, и меня вновь окружила раскалённая пустыня?

Подошва жжёт ноги, глаза слезятся от жара, одежда ощущается горячей... Сколько я ещё протяну в этом пекле?

- И чего ты возишься?

Одновременно с рыком, от которого я вздрагиваю, из песчаных недр выныривает большая рука и хватает меня за лодыжку. Я и пискнуть не успеваю, как проваливаюсь под землю.

Открыть глаза безумно страшно. Я отфыркиваюсь, не понимая, почему ноздри и рот не забило песком. Впрочем, незнакомец так резко меня дернул...

- Предупреждаю, вздумаешь пищать - прикончу и съем.

Мужчина прошипел это совсем рядом, подтверждая ощущения: он стоит за моим правым плечом. А в воздухе разливается знакомое мне потрескивание - охотник готов атаковать.

- Кивни, если понятно.

Конечно, я судорожно киваю. Кем бы ни был незнакомец, он - единственное разумное существо в этом ужасном месте. А оказаться в роли чьей-то пищи у меня желания нет.

- Не знаю, что ты такое, но надеюсь, для меня не опасное.

Мне вот тоже не понятно, где я и кто он. И этот стеклянный хищник... нечто невероятное. Страшно до одури, а спросить возможности нет. Приходится молчать и подчиняться.

Поворачиваюсь, осматриваясь, и первое, что замечаю, – нет темноты. Почему-то ожидаешь тьмы под землей. Однако причина тусклого свечения оказывается очевидной. Эта подземная пещерка служила норой зверюге, и здесь всюду – на стенах, потолке и целой россыпью под ногами – виднеются «стеклянные», порождающие тусклый свет чешуйки-осколки. Второе – о, счастье! – на одной из стен поблёскивают капли.

Вода?! Мысль толком не успевает оформиться, а я уже, подлетев к «стене спасения» и вытянув язык, собираюсь слизнуть спасительную влагу. Останавливает меня инстинкт самосохранения – я замираю, переводя вопросительно-умоляющий взгляд на своего спасителя.

Мужчина отшатывается. Оно и понятно. Выгляжу я сейчас как белёсое, лишённое пигмента и чётких черт лица существо с тусклыми прядками и розовыми глазами. Вряд ли он встречал кого-то безобразнее. Усилием воли глаза прикрываю и изображаю лизание.

В ответ он кивает! Большого мне и не нужно. С алчностью измождённого жаждой я накидываюсь на желанные капли.

О-о-о... Вкуснее напитка я в жизни не пробовала. Обволакивающий. Терпкий. Сладостный... Кажется, я даже постанываю от удовольствия. И только слизнув последнюю капельку, тяжело опускаюсь на песок на вмиг ослабших ногах.

Охотник, шагнув ближе, присматривается к тому, как дрожь начинает сотрясать моё тело.

– Так кто же ты? Я никогда не встречал на Идариане никого похожего. Ты разумное?..

Кивнув, я пытаюсь воспроизвести в памяти звёздную карту, которую нам показывал на занятиях воспитатель. Идариан... Ну да, была там такая планета. На окраине империи, в системе красного гиганта Тикос. Выходит, перекинуло меня очень далеко. А охотник – идарианец. Но мне это знание мало чем

поможет.

– Говорить можешь?

Подумав, я отрицательно мотаю головой – мои пiski он понять не способен.

– Ладно... – Мужчина оглядывается на тушу стеклянного зверя, от которой идёт аппетитный аромат. – Прежде надо насытиться. На пустой желудок рассуждать о проблемах – гиблое дело.

Вот! Едва он заговорил о еде, как всё стало понятно. Странное, сводящее с ума состояние, которое мешает думать и воспринимать окружающее, заслоня даже страх, оказывается голодом. Наверху я потратила слишком много сил, а мне они сейчас необходимы. Чем восполнить потерю? Едой.

Сглотнув вязкую слюну, я напряжённо буравлю взглядом спину охотника. Он же, склонившись к туше, острым осколком звериной шкуры, подхваченным с пола, рассекает стеклянный светоотражающий покров. Сочный, до одури соблазнительный запах жареного мяса усиливается, и я с трудом контролирую себя. Рот наполняется слюной.

– Точно выдержать время, – довольное бормотание мужчины больше всего походит на разговор с самим собой, – вот где истинное мастерство охотника. Мало кто на это способен. Да только где это понять избалованным девицам. М-м-м... – Отхватив кусок, он с видимым удовольствием кладёт его в рот, а прожевав и проглотив, решает: – Идеально! Мясо пропеклось, но осталось сочным. Можно его...

Договорить он не успевает – застывает в изумлении, приоткрыв рот. Я это замечаю лишь краем глаза, когда проношусь мимо, стремясь к единственной важной для меня цели – насыщению. Остановить сейчас меня не могло бы ни стадо стеклянных монстров, ни целая армия охотников. Вот серьёзно!

Я ем, отрывая куски руками и зубами. Глотаю, не жуя и давясь от жадности. Кусок за куском, шмат за шматом... Мясо исчезает в моём чреве, размолотое острыми зубками. Я оставляю лишь голые кости гигантского инопланетного зверя. И приближаюсь к сытости.

* * *

– И что дальше?

Идарианец нависает надо мной, всё ещё с очевидным неверием осматривая фигуру. Да, вполне себе тощую в данный период развития. Никаких там выпуклостей или впалостей в рельефе. Разве что живот надулся плотненьким барабанчиком, возвышаясь и привлекая сторонний взгляд.

– Эй, существо? У тебя отменный аппетит.

Охотник легонько толкает меня ладонью в плечо. Наверняка прикидывает, способна ли я обглодать ещё и его. Пусть он большой, сильный и бесстрашный, но моя прожорливость его однозначно впечатлила, ведь я умудрилась слопать практически всю тушу огромной зверюги. Идарианцу досталось лишь то, что он успел выхватить до начала моего пиршества.

Со стороны это выглядит невероятно. В принципе, ненормально даже для меня – я раньше никогда столько не ела. Но причина проста: мой организм начал процесс трансформации и скорость метаболизма теперь зашкаливает.

Лениво приоткрыв один глаз, я смотрю на мужчину. Да, я оставила его почти без пищи и совсем без воды, но... Сейчас такие мелочи, как моральная сторона вопроса, меня совершенно не беспокоят. Даже жара перестаёт раздражать. Сытость принесла с собой удовлетворение, довольство всем и вся! Жаль, что лишь на время.

– И что прикажешь мне делать? Может быть, съесть тебя?

Веки я лениво опускаю: не интересно.

Таковы начальные этапы трансформации. Требуется прорва еды, а затем обязательный отдых, чтобы её переварить. А с ним приходит и полное безразличие ко всему. Тем более если бы охотник хотел остановить меня или помешать сожрать всю тушу – сделал бы это сразу. Но он лишь молча сидел, провожая каждый кусок потрясённым взглядом. Губы его шевелились. Считал калории? Или я выглядела как голодавшая с самого от рождения, и его скупое

на чувства мужское сердце дрогнуло, допустив слабость. Вернее, позволив непонятному белокрытому измождённому и дрожащему недоростку сожрать всю добычу. Какой мужчина!

- Заморыш, ты что, спать теперь надумал?

Вот хорошая мысль! Но кивнуть тоже лень. И вообще, сомнительная нора непонятного зверя на жуткой пустынной планете вдруг увиделась мне в новом свете - стало даже как-то уютно...

Сообразив, что меня накрыло откатом и сейчас все ощущения и даже инстинкт самосохранения притупились, я касаюсь своего спасителя ладонью. Медленно и с ленцой - охотник не отстраняется.

Мои пальцы касаются руки идарианца, буквально потонув в большой мозолистой ладони. Сквозь приоткрытые веки я вижу: он внимательно наблюдает за манёвром. Вероятно, я пробудила его любопытство. Незнакомое существо, встреченное в этом пекле, добавило его жизни разнообразия. И он, возможно, всё ещё решает, что предпочесть: избавиться от осложнений в моём лице или позволить остаться?

Надеясь на второй вариант, я и стремлюсь к контакту. Мне нужна эта связь, чтобы послать мужчине едва ощутимый импульс одобрения, даже радости. Буду подпитывать его позитивом, стараясь создать располагающую к доверию атмосферу. Больше мне не на кого рассчитывать...

* * *

- Нашёл себе проблему. Должен делать всё, чтобы добиться женщины, а сам застрял тут с непонятной зверюшкой. К тому же прожорливой. Сажу в нору боргха голодный и боюсь шелохнуться, чтобы не потревожить зверёнка. Мне ж никто не поверит!

Шёпот едва различим. Я даже не сразу осознаю, что он реален, а не снится мне. Хотя моё состояние сном назвать трудно - просто организм, нуждаясь в срочной порции энергии для трансформации, сосредоточился на главном - переваривании богатой протеином пище. А все реакции на внешние

раздражители и эмоции блокировал, погрузив меня в состояние прострации. Теперь же я пробуждаюсь, и первое, что чувствую, – голова лежит на сгибе локтя идарианца.

– Вот и откуда это существо?! На мою голову...

Ничем не выдав своего пробуждения, спешно отправляю мужчине волну умиротворения и довольства. Охотник мне необходим, нельзя допустить расставания. В одиночестве я в этом мире не выживу.

– Беспомощное и слабое... Но ведь и не оставишь... – смягчаясь, бурчит он, попав под моё влияние. – Вот посмеются надо мной: ушёл в долину смерти добыть трофеи, чтобы привлечь внимание женщины, а вернулся с... питомцем.

Прислушавшись к установившейся между нами связи, я распознаю чувство горечи. О каких трофеях речь? Пока я мало знаю, но одно очевидно – мне достался не самый счастливый и удачливый представитель местного населения. Однако выбирать не приходится – трансформация началась, а значит, именно его присутствие будет влиять на меня.

– Заделался нянькой. Сколько же можно спать? Откуда этот странный вид? Не знал, что здесь обитает такой... Да ещё настолько прожорливый. Или он наедается впрок, а затем может долго голодать?

Увы. В последнем я его точно разочарую. Мой бешеный метаболизм уже сделал своё дело – вчерашний обильный перекус остался в прошлом. Питательные вещества пошли на перестройку тела, желудок предательски пуст, а в горле вязко от жаркого воздуха. Как эти идарианцы тут выживают?!

– К чему мне эта обуза? – Даже с учётом моего влияния мужчину не отпускают сомнения. – Я должен хоть чего-то добиться. Приду с пустыми руками, и самая невзрачная простушка в мою сторону не посмотрит. Даже последним мужем меня никто не примет.

В моей душе рождаются сомнения: чего это охотник так сокрушается? Неужели такой опытный и бесстрашный мужчина может остаться одиноким? Или местные женщины так глупы?

– Сопит он тут, – тяжёлый вздох и сочувственный упрёк уже мне, вернее, тому неведомому полумрачному зверю, за которого он меня принимает. – Как ребёнок, в самом деле. То за считанные минуты сожрал целого боргха, то дрыхнет тут безо всякого страха. Проникся ко мне доверием? Как такого бросить?

Рука охотника в мимолётной ласке треплет моё ухо. Ну точно как питомца!

Мотнув головой, я чуть заметно подаюсь вперёд, сползая с плеча мужчины. Невольно поворачиваюсь к стене, где вчера нашлись капли воды. Пусть в меньшем количестве, но они на ней имеются и сегодня. Жажда тут же гонит меня вперёд. На четвереньках, по острым осколкам шкуры стеклянного монстра я ползу к желанной влаге, но, оказавшись у цели, пристыжённо замираю: действительно, веду себя не лучше зверя. Обернувшись к идарианцу, указываю подбородком на капли.

Охотник изумлённо приподнимает бровь, но понимает меня правильно. В один миг он оказывается рядом. Я же, наблюдая за ним, невольно сглатываю – пить хочется нестерпимо.

– Это тебе. – Слизав половину капель, мужчина показывает на оставшиеся пальцем, а затем и вовсе хватает меня за шкуру, намереваясь ткнуть носом в воду. Приходится взбрыкнуть, чтобы высвободиться. Послав охотнику гневный взгляд, я шустро собираю губами оставшуюся влагу. Её мало, но жажду всё равно утоляет. Непростая у них тут водица.

– Пора в путь, – бормочет себе под нос идарианец, – и так много времени потеряли. Вряд ли рядом есть ещё один боргх, они близко не селятся. Значит, нам необходимо добраться до озёр.

«Озёр»! Он сказал «озёр»! Звучит это слово немыслимо вдохновляюще. Я тут же вскакиваю на ноги, готовая следовать за неожиданным спутником. Стараясь своим влиянием настроить его на оптимистичный лад, киваю: я согласна. Но идарианец не спешит. Присев возле обглоданного скелета, принимается вытягивать из-под него шкуру, усеянную прозрачными выростами-пластинками.

– Пригодится. Если не найдём у озера укрытия, чтобы восстановить силы, хотя бы скроемся под ней. Или ты можешь предложить что-то ещё?

Охотник смотрит на меня, очевидно вспомнив моё якобы здешнее место обитания. Приходится уставиться на него, недоумённо моргая.

– Откуда же ты тут взялся?..

Эх, я бы рассказала! Но он же меня не поймёт.

Впрочем, трудности взаимопонимания быстро уходят на второй план. Мой странный спаситель, накинув на меня кусок смрадно «благоухающей» шкуры, вдруг резко подпрыгивает вверх, обваливая утрамбованные прежним владельцем норы слои грунта. Песок течёт лавиной, словно только и ждал этого толчка. Не поэтому ли идарианец так спешил покинуть убежище? Знал, что без его привычного обитателя, массой тела вдавливающего песчинки друг в друга, полость быстро заполнится песком. Тем более мы нарушили целостность «потолка», спровоцировав начало разрушений.

Мои мысли скользят и перемешиваются, как песчинки в осыпающейся пирамиде, по которой упорно карабкается мой спутник, выбираясь наружу и волоча меня следом. Страшась подавиться песком, я отчаянно жмурюсь и прикрываю лицо ладонями. Даже палящие лучи местного алого солнца кажутся сейчас предпочтительнее смертоносного песочного душа.

Можно ли осуждать меня за то неопишуемое облегчение и радость, что накрывает с головой, когда идарианец наконец-то выдёргивает меня на поверхность? Едва не плача от счастья, забыв про всякую осторожность, я кидаюсь к мужчине, обхватываю его руками за плечи и прижимаюсь щекой к одежде, раздвинув шкуру. Страх заставляет тело дрожать, а дыхание с хрипом вырывается из лёгких. Проклятое место!

– Ну, ну... – Не ожидавший такого порыва охотник растерянно гладит меня по всклокоченным, напрочь забитым песком тусклым волосам. Впрочем, скоро я осознаю, что это он пытается расправить на мне полупрозрачную шкурку на манер капюшона, чтобы спрятать от палящих лучей. – Чего ты так волнуешься? Не бывал прежде в норе боргха? И как же ты дожил тут до сегодняшнего дня?..

Буквально отодрав меня от себя, охотник недоумённо качает головой. И тут же, чуть встряхнув, тянет за собой. Я послушно бреду, на каждом шагу увязая в

песке и придерживая полы импровизированного плаща.

Далеко уйти не удаётся. Вновь подводит тонкая подошва сандалий, и я, вместо того чтобы спокойно шагать, прыгаю с ноги на ногу, с трудом сдерживая шипение. Охотник оборачивается, и в его глазах я вижу недоумение.

– Что с тобой? Что за ритуальные пляски? Это танец призыва? Ты зовёшь на помощь?

Впору застонать, но я лишь падаю на колени, подоткнув под них кусок трофейной шкуры. Ни шагу дальше! Дайте мне сгнуться тут, не мучайте больше.

– Заморыш, ты хочешь прилечь?!

Идарианец смотрит на меня абсолютно круглыми глазами. Нависнув надо мной, он приподнимает свой капюшон, впервые позволяя полностью рассмотреть своё лицо. И я при слепящем дневном свете отчётливо вижу смуглую кожу, широкий, слегка приплюснутый нос, тугие завитки мелких кудряшек, вырывающиеся из-под кожаного ремешка и падающие на лоб. Они немного смягчают выражение мужского лица, утяжелённого громоздким подбородком. А ещё частично скрывают неровный розоватый шрам, пересекающий лоб.

Сглотнув, я обессиленно пожимаю плечами. Как объяснить ему, что моя обувь не предназначена для раскалённой поверхности? Проще тихо тут сгнуться.

– Вот же камушек на шею себе повесил!

С этим раздражённым замечанием охотник вздёргивает меня вверх, вынуждая подняться, и тут же подхватывает на руки. Я едва не плачу от облегчения, осознав, что мужчина не собирается меня тут бросить. Больше того – намерен нести на руках! Такой подвиг мне и в самых радужных мечтах не представлялся. Переполненная благодарностью, прикинув к его груди, я посылаю настолько сильную волну воодушевления, что идарианец даже спотыкается. Но всё же несёт меня дальше.

Равномерное покачивание успокаивает, и я расслабляюсь, надеясь, что идти не далеко. Увы... Ещё как далеко. Невообразимо далеко! А местное кровавое солнце

облегчать нам путь не желает. Слепит, нагревает воздух, высушивая и рождая марево жара. Жизнь на корабле воспитателя не подготовила меня к настолько суровым условиям. Временами я отключаюсь, измученная жарой и жаждой. Воспоминания о каплях влаги в норе чудовища воспринимаются как пытка. Понимая, что не выдержу, с трудом шевеля потрескавшимися губами, я слабо пишу.

- По... терпи, - натужно выдавливает идарианец.

Я скорее чувствую, чем слышу его ответ. Ему определённее труднее. И тем страшнее становится мне. Что будет, если он сдастся и рухнет на раскалённый песок? Ведь мы погибнем в этой пустыне, простирающейся до горизонта.

Из последних сил снова и снова посылаю мужчине волны поддержки и убеждённости в благополучном исходе. Каждый раз чувствуя, как отчаяние и усталость в его душе берут верх, прогоняю их ветерком надежды. Это единственное, чем я могу помочь ему. Нам! Укрепить его дух...

Но и мои силы, подточенные потрясением, голодом и жаждой, в конце концов заканчиваются. Я уже не держусь, безвольно повиснув на сильных руках охотника, сосредоточившись на одном - поддержании его веры. Тьма забытья неумолимо обступает, но всё же я, в последнем отчаянном усилии удержаться в сознании, понимаю, что идарианец ещё идёт, и слышу тяжёлые удары его сердца.

- Малыш... очнись... потерпи... мы... дошли...

Я лежу? Вдруг понимаю, что нет больше поддержки рук и мерного покачивания. Невероятным усилием приподнимаю веки и вижу... озеро! Самое прекрасное видение в моей жизни. Такое яркое, наполненное поразительно сочными оттенками салатного - от насыщенного и густого цвета молодой зелени, плавно переходящего в желтоватые оттенки, до едва приметного зеленоватого отлива на белом искрящемся фоне бортиков. Они, где-то видные под водой, где-то выступающие на поверхность замысловатыми узорами, делят озеро на множество крошечных заводей. Вода в них кажется до того голубой, что режет взгляд.

Мой организм, почувствовав близкое спасение и отыскав скрытые резервы сил, рвётся туда. К воде! Я ползу прямо в шкуре чудовища по раскалённому, пышущему жаром песку. Всё заслонила собой потребность окунуться в воду.

– Не вздумай!

Резким рывком меня возвращают на исходную позицию. И в реальность. То есть к мыслям о моём спутнике. Зачарованная видом водоёма, я совершенно забыла о нём. А сейчас, мучительно пытаюсь шевельнуть во рту распухшим языком, смотрю на идарианца и на то, что окружает нас... Всё та же рыже-жёлтая пустыня с одной стороны и каменные нагромождения с другой. Остатки гор? Не важно. Главное, они дают тень, укрывая от прямых лучей солнца. Или солнц? Почему-то светило двоится в моих глазах.

Охотник же яростно кромсает осколком звериной шкуры огромный выпуклый нарост на ближайшем торчащем из песка скальнике. Более того, отступив на несколько шагов, он ещё и ударяет в него стремительными белыми молниями, выстреливающими из его ладоней. Они оставляют тёмные опалённые пятна на поверхности нароста.

Голубоватые искры, отлетающие в сторону, и характерное потрескивание я узнаю. Так вот как он одолел зверя! Этими разрядами энергии! Но смысл действий мужчины волнует меня в последнюю очередь. Я изнываю от жажды, а вода так близко! Отчего же охотник не пускает меня к ней?

Невольно вновь устремляюсь к водоёму и снова чувствую крепкие мужские пальцы, сомкнувшиеся на лодыжке. Очередной рывок. Стеклоподобная поверхность шкуры идеально скользит по песку – я тут же оказываюсь у ног идарианца и, не скрывая ярости, взвизгиваю!

Мужчина шипит, мгновенно вскидывая обе руки, чтобы закрыть уши, над нами раздаётся глухой хлопок, а на моё лицо, больше не укрытое спасительным плащом, падают капли влаги!

Охотник мгновенно разворачивается, забыв обо мне, и из его горла вырывается радостное восклицание. Причину я тоже вижу – терзаемая поверхность наконец-то поддалась. Нарыв вскрылся, а внутри обнаружилась сочная мякоть. Именно её освежающие капли и попали на мою кожу.

Однако стоило защитной скорлупе лопнуть, как жар принялся за спасительный клад. Теперь шипение испаряющихся капель наполняет пространство вокруг. И снова моё тело реагирует быстрее разума. Уже не думая об озере, я вскакиваю на ноги. Но мне не позволяют приникнуть к сочной и явно освежающей мякоти.

– Не теряй время! Если будем возиться долго, воздух высушит всё раньше, чем мы заберёмся внутрь! – рявкает идарианец и принимается безжалостно выгребать мякоть, бросая её прямо под ноги. Оказавшись на раскалённом песке, она тут же начинает шипеть и подрагивать, испаряясь и уменьшаясь прямо на глазах.

Он хочет запихнуть нас в эту густую освежающую ванну? О, да! Чем бы это ни было, но я и не думаю спорить. Более того, бросаюсь ему помогать. Вот только ладони, вырвав мякоть из развороченного сочного нутра, против воли подносят её к лицу. Ну не могу я запросто отшвырнуть величайшую сейчас ценность – влагу!

Каким же блаженством становится ощущение прохлады! Не думая об угрозе отравления, я втягиваю губами крошечный кусок... О, счастье! Мякоть оказывается растительной, наполненной чуть сладковатым освежающим соком.

– Ты нас погубишь! – Идарианец, отвесив мне ощутимую оплеуху, чудом не сбивает меня с ног. – Залезем внутрь, и ешь сколько захочешь! А пока...

Он, бесцеремонно сдернув шкуру, вталкивает меня в уже довольно глубокое место прорыва, а я зажмуриваюсь и рьяно вгрызаюсь в сочную мякоть, помогая себе руками и упираясь ногами. Чудо какое-то! Посреди этого палящего ужаса. Настоящий клад!

Питаться! Питаться! Вода и пища – вот единственное, чего сейчас жаждет моё тело. Изнурённый трансформацией, организм личинки с жадностью восстанавливает силы. Усталости как не бывало, я превращаюсь в механизм, в буквальном смысле пожирающий мир вокруг.

– Этого я как-то не учёл...

Голос идарианца, следовавшего за мной через несколько минут, звучит более чем потрясённо. Настолько потрясённо, что я даже оглядываюсь, на миг прекращая питаться. Реакция, в общем-то, понятная – за эти минуты я умудрилась проесть пространство, вместившее и меня, и этого крупного мужчину. И теперь охотник изнутри тщательно затыкает незаменимыми шкурами место разрыва в прочнейшей окаменевшей броне.

Чем уже становится отверстие, тем меньше света проникает к нам. Но мне хватает последних бликов, чтобы заметить на усталом лице идарианца вновь округлившиеся от изумления глаза и озадаченность моей непомерной прожорливостью.

– Пожалуй, если я ещё повременю, то снова останусь голодным, – бурчит он в темноте, отгородив нас от убийственного света и жары.

Дальнейшие наши устремления оказываются схожи – мы принимаемся есть!

* * *

Первым насыщается мужчина. Я же лишь немного сбавляю темп и начинаю прислушиваться к эмоциям своего спутника, с которым мы соприкасаемся телами. В них ощущается довольство, облегчение, гордость собой и, что меня больше всего удивляет, затаённая благодарность. Кому?..

С сытым вздохом оторвавшись от еды, я расслабленно обмякаю, и охотник тут же понимает, что я угомонилась.

– Наелся, заморыш? Не представляю, сколько корма нужно, чтобы тебя вырастить.

Намёк на то, что меня не прокормить, – очевиден. Только вот мужчина не знает: прожорливость – временное явление. Когда трансформация подойдёт к завершению, мои аппетиты станут весьма скромными.

В качестве безмолвного ответа, прижавшись щекой к его плечу, я посылаю мужчине волну тепла и покоя. А затем и вовсе, нашарив в темноте его руку, осторожно глажу тыльную сторону ладони.

– Радуетесь? – Охотник понимает мой жест по-своему. – Верное дело! Повезло нам немерено. Трижды я бывал в этих местах, но не замечал разросшегося толба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alyona-medvedeva/moy-neveroyatnyy-muzhchina>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)